

29393.

Faint, illegible handwriting in the upper right corner of the right page.

5

1811

1811

29393

Р. М. 1908, 1
M

К. Дверницкий

86710

Письма изъ Германіи.

„Гакатизмъ“.

„...въ брошюрахъ предлагаются самыя чудовищныя вещи вродѣ запрета продажи земель полякамъ или экспроприаціи польской собственности...“

„Я радъ, что подобныя некультурныя предложенія, которыя несомнѣнно должны были бы вычеркнуть Пруссію изъ числа цивилизованныхъ государствъ, не встрѣчаютъ сочувствія и у консервативной фракціи“.

Изъ рѣчи свободомыслящаго Киндлера въ прусской палатѣ депутатовъ 28 марта 1906 г.

I.

7 февраля 1872 года Бисмаркъ писалъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ графу Эйленбургу: «Мнѣ представляется, что въ нашихъ польскихъ провинціяхъ почва у насъ подъ ногами, если и не совсѣмъ колеблется, то, во всякомъ случаѣ, настолько подрыта, что можетъ, наконецъ, и провалиться, разъ только за границей разовьется польско-католическо-австрійская политика». И дальше: «Но повидимому въ вашемъ министерствѣ этотъ вопросъ отнюдь не трактуется принципиально, активно, агрессивно». «Принципіальная активно-агрессивная» анти-польская политика, это, собственно говоря, готовая и яркая формула «гакатизма». И значить, когда въ 1894 году три бравыхъ патріота своего отечества Ганцманъ, Бенеманъ и Тидеманъ основывали пресловутый «Ostmarkenverein» для поддержанія и поощренія политики, окрещенной по ихъ инициаламъ этимъ популярнымъ терминомъ, они съ полнымъ правомъ ссылались на «традиціи». Традиціи прусскаго «гакатизма» связаны съ именемъ желѣзнаго канцлера, и въ этомъ секретъ ихъ до сихъ поръ для многихъ въ Германіи неотразимаго дѣйствія. Вѣдь здѣсь въ политикѣ и въ наши дни одно имя Бисмарка съ успѣхомъ побиваетъ всякій аргументъ, будь то аргументъ политической честности или просто политическаго здраваго смысла.

Бисмаркъ, впрочемъ, не сразу сталъ активнымъ «гакатистомъ», и съ начала семидесятыхъ годовъ до 1885 г. элементы «активно-агрессивной» анти-польской политики входили у него въ составъ болѣе общей и широкой системы борьбы съ католичествомъ, «культуркампа». И только покончивъ съ нимъ и отчасти, быть можетъ, на немъ испытавъ силу и планомѣрность защиты поляками ихъ религіозной и національной самобытности, отчасти, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ роста и объединенія многообразныхъ польскихъ организацій, онъ приступилъ къ откровеннымъ, чисто «гакатистскимъ» мѣропріятіямъ. Въ 1885 году онъ высылаетъ изъ предѣловъ Пруссіи всѣхъ поляковъ, непрусскихъ подданныхъ, и закрываетъ границу переселенцамъ изъ русской Польши. 4 января 1886 года онъ влагаетъ въ уста престарѣлому императору-королю слѣдующія многозначительныя слова тронной рѣчи: «Вытѣсненіе германскаго элемента польскимъ въ нѣкоторыхъ восточныхъ провинціяхъ налагаетъ на правительство обязанность принять мѣры для охраны и развитія нѣмецкаго населенія». Но онъ знаетъ, что ему придется считаться съ многочисленными, серьезными препятствіями и, по своему обыкновенію, заботливо и искусно подготавливаетъ дальнѣйшіе шаги. Рейхстагъ бунтуетъ и дѣлаетъ ему большія непріятности изъ-за массовыхъ высылкъ поляковъ-иностранцевъ. Онъ немедленно отвѣчаетъ ему въ палатѣ депутатовъ недвусмысленными угрозами государственнымъ переворотомъ и одностороннимъ измѣненіемъ избирательнаго закона. Онъ хладнокровно учитываетъ силу парламентской оппозиціи въ ландтагѣ, гдѣ противъ него центръ подъ увѣреннымъ и талантливымъ руководствомъ Виндгорста, гдѣ противъ него нѣмецкая свободомыслящая партія, еще блистающая именами Вирхова, Рихтера, Генеля, Риккерта. Консерваторы и національ-либералы приходятъ ему на помощь, и въ самомъ началѣ сессіи предложеніе Ахенбаха о «выраженіи палатой депутатовъ готовности вотировать всѣ необходимыя мѣропріятія и всѣ нужныя средства» для «охраны нѣмецко-національныхъ интересовъ въ восточныхъ провинціяхъ»—прекрасный образецъ того, что нѣмцы называютъ «bestellte Arbeit»—даетъ ему случай подсчитать враговъ и развернуть программу самаго беззастѣнчиваго «гакатизма». Онъ даже съ умысломъ идетъ много дальше своихъ дѣйствительныхъ намѣреній и произноситъ знаменитую фразу объ экспропріаціи польскаго дворянства, которую въ этомъ году переворачивали на всѣ лады сторонники и противники послѣдняго «гакатистскаго» закона. И когда оказывается, что «національное» большинство рукоплещетъ всему, до угрозы экспропріаціей влючительно, и послѣ нѣсколькихъ дней жаркаго словеснаго боя принимаетъ «патріотическое» предложеніе Ахенбаха, оно признается, наконецъ, зрѣлымъ для совершенія перваго акта «принципіальной активно-агрессивной» анти-польской политики.

Онъ былъ на первый взглядъ скромнень и сравнительно безобиденъ, этотъ первый актъ. Въ простой и ясной, какъ всегда, формулировкѣ Бисмарка ближайшею его цѣлью должно было быть—измѣненіе соотношенія

между численностью германскаго и польскаго элемента въ пользу перваго, или, еще проще и вразумительнѣе, уменьшеніе численности польскаго населенія и увеличеніе численности германскаго. Законъ 26 апрѣля 1886 г. предполагалъ достигнуть этой цѣли поселеніемъ въ провинціяхъ Западная Пруссія и Познань нѣмецкихъ крестьянъ и рабочихъ. Для этого онъ предоставлялъ въ распоряженіе правительства фондъ въ 100 милліоновъ марокъ и поручалъ ему приобрѣтать покупкою земли и распредѣлять ихъ между нѣмецкими переселенцами участками малаго и средняго размѣра. Надѣленіе участками должно было производиться за соотвѣтствующее возмѣщеніе расходовъ по покупкѣ земли и приведенію ея въ хозяйственное состояніе, причемъ поселенцы получали ихъ въ собственность за уплату наличными или за ежегодную ренту, или въ срочную аренду. Было также предусмтрѣно учрежденіе особой колонизаціонной комиссіи для завѣдыванія всѣми этими сложными операціями. Какъ видно, элементовъ прямого насилія законъ 1886 года въ себѣ не заключалъ. Его было мудро, конечно, согласовать съ конституціоннымъ принципомъ равноправія гражданъ безъ различія національностей, такъ какъ онъ явно ставилъ одну національность въ привилегированное положеніе и притомъ на общій государственный счетъ, то-есть и на счетъ другой національности. Но онъ по крайней мѣрѣ шелъ открыто навстрѣчу опасностямъ и случайностямъ экономической борьбы и не препятствовалъ прямо противной сторонѣ въ этой борьбѣ защищаться всѣми доступными средствами. Въ немъ были зато другія опасности, свойственныя всѣмъ мѣропріятіямъ, въ которыхъ государство выступаетъ покровителемъ экономическихъ интересовъ отдѣльной группы населенія. Въ немъ были опасности экономического и политическаго разврата.

Потребовалось всего нѣсколько лѣтъ колонизаторской практики, чтобы послѣдствія новаго закона обнаружили въ всей ихъ обидной неприглядности. Къ концу 1893 года комиссія поселила всего въ двухъ провинціяхъ 1,376 семействъ, затративъ на это около четырнадцати съ половиною милліоновъ марокъ; но такъ какъ изъ этого общаго числа поселенныхъ семействъ въ среднемъ 38% приходилось на долю жителей колонизуемыхъ провинцій, то дѣйствительный приростъ германскаго населенія выражался приблизительно въ 850 семействахъ или всего въ 4,000 чловѣкъ, съ расходомъ въ среднемъ по 2,250 марокъ на чловѣка. Само по себѣ это было уже не блестяще. Взявъ за основаніе наиболѣе благоприятныя цифры за 1892 и 1893 годы, то-есть 250 поселяемыхъ ежегодно семействъ, одинъ изъ объективныхъ наблюдателей «активно-агрессивной» анти-польской политики, профессоръ Дельбрюкъ высчитывалъ тогда въ брошюрѣ «Die Polenfrage», что, идя такимъ образомъ дальше, Пруссія можетъ въ теченіе 100 лѣтъ поселить среди полутора милліона поляковъ 100,000 нѣмцевъ. Какими же расходами для государства должно было грозить это безнадежное съ «національной» точки зрѣнія предпріятіе, видно изъ того, что изъ земельныхъ рентъ, опредѣляемыхъ въ 3% затрачен-

ныхъ суммъ, получалось въ дѣйствительности всего только $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ %, такъ какъ при ихъ исчисленіи не принимались въ расчетъ меліоративные и общіе расходы колонизаціонной комиссіи. А кромѣ того, нерѣдко, чтобы еще болѣе облегчить положеніе поселенцевъ и по возможности привязать ихъ къ новымъ мѣстамъ, не выдерживалась даже и трехпроцентная норма, и ренты вычислялись на еще болѣе льготныхъ условіяхъ. Особаго успѣха, впрочемъ, и эти льготы не имѣли. Поселенцы часто черезъ самое короткое время продавали свою землю, причемъ, напримѣръ, по удостовѣренію отчета комиссіи за 1893 г., нерѣдко выручали прибыль въ 75—100%.

Еще болѣе любопытнымъ покажется дѣйствіе закона, долженствовавшего служить распространенію нѣмецкаго элемента въ польскихъ провинціяхъ, если ближе посмотрѣть, у кого и какъ скупала колонизаціонная комиссіа нужныя ей земли. Въ 1893 г. она покупаетъ всего 13 помѣстій, и изъ нихъ 6 изъ польскихъ и 7 изъ нѣмецкихъ рукъ. Поляки быстро приспособляются къ новымъ условіямъ и, пользуясь повышеніемъ цѣнъ на землю, вызваннымъ появленіемъ такого денежнаго скупщика на земельномъ рынкѣ, какъ прусская казна, начинаютъ дѣлать выгодныя дѣла. Типичный и выразительный образецъ одного изъ этихъ дѣлъ приводитъ Дельбрюкъ. Въ 1888 г. нѣкій полякъ продаетъ комиссіи свое имѣніе и нѣсколько мѣсяцевъ спустя покупаетъ у нѣмецкаго владѣльца другое, расположенное въ томъ же округѣ. Всѣ сосѣди знаютъ, что онъ едва справлялся со своимъ старымъ владѣніемъ, только частью пригоднымъ для хозяйства, къ тому же лежащимъ далеко отъ всякихъ путей сообщенія почти у самой границы, и что, напротивъ, начало его матеріальному благополучію положила именно покупка нѣмецкаго помѣстья, которое отличается превосходными, однородными качествами почвы и находится возлѣ крупной желѣзнодорожной линіи. По этому трафарету—продажа за вздутую цѣну земли комиссіи и покупка новаго имѣнія непременно у нѣмца—поправило свои обстоятельства, а то даже и обогатилось не мало захудалыхъ, близкихъ къ банкротству пановъ.

Когда дѣло переходитъ на такую почву, «національныя» соображенія естественно отступаютъ на второй планъ. Представители германскаго элемента, которымъ предстояло подъ сѣнью новаго закона плодиться и вытѣснять поляковъ, не замедлили перенять отъ нихъ умѣнье за хорошія деньги отдавать свои земли комиссіи. Покупали ли они вслѣдъ за этимъ новыя помѣстья, чтобы по крайней мѣрѣ продолжить свое драгоценное присутствіе въ польскихъ провинціяхъ и тѣмъ поддерживать въ нихъ благоприятное для «національныхъ» интересовъ соотношеніе численности германскаго и польскаго населенія,—это уже другой вопросъ. Настойчивости и системы, какъ у поляковъ, у нихъ во всякомъ случаѣ не оказалось. Извѣстны примѣры, когда болѣе ловкіе изъ нихъ, спустивъ комиссіи одно имѣніе, немедленно покупали другое, по возможности нужное для комиссіи, чтобы продать его ей же, и такъ далѣе до трехъ и болѣе разъ, выколачивая въ короткое время барышъ въ нѣсколько сотенъ тысячъ. Классическимъ же

и чаще всего примѣняемымъ видомъ подобной операціи можетъ считаться слѣдующій случай. Нѣмецъ-помѣщикъ изъ окрестностей Познани предлагаетъ комиссіи свое имѣніе. Онъ выискиваетъ себѣ польскаго агента по скупкѣ земель и страшаетъ комиссію какимъ-то польскимъ банкомъ, якобы непременно желающимъ приобрести его землю, и на этомъ основаніи набиваетъ цѣну. Нѣсколько дней подъ рядъ онъ демонстративно показывается съ агентомъ во всѣхъ ресторанахъ и кофейняхъ, всячески привлекаетъ къ себѣ вниманіе чиновниковъ комиссіи и достигаетъ цѣли. Чтобъ не дать имѣнію уйти въ польскія руки, комиссія уплачиваетъ за него требуемую сумму.

Итакъ, обогащеніе нѣсколькихъ ловкихъ гешефтмахеровъ безъ различія національности, развращеніе земельного рынка, естественное обостреніе отношеній между германскимъ и польскимъ элементомъ, то-есть полное крушеніе національнаго, соціального и экономическаго мира на восточной окраинѣ—вотъ и все, что принесъ съ собой за ближайшія восемь лѣтъ первый законодательный актъ «принципіальной активно-агрессивной» анти-польской политики. Приростъ въ 850 семействъ, или 4,000 человекъ, нѣмцевъ былъ въ сравненіи съ этимъ зломъ, какъ будто слишкомъ слабымъ утѣшеніемъ. Повидимому, лучше всѣхъ предвидѣлъ эти результаты лидеръ центра Виндгорстъ.—«Не давайте этихъ денегъ,—говорилъ онъ въ 1886 году въ палатѣ депутатовъ,—это будетъ коррупціонный фондъ самаго отвратительнѣйшаго свойства».

II.

Первые признаки разочарованія въ успѣхѣ такъ называемой «внутренней колонизаціи» совпали съ моментомъ нѣкотораго улучшенія прусско-польскихъ отношеній. Дѣло было въ началѣ царствованія Вильгельма II и въ канцлерство «честнаго солдата» Каприви, когда въ Германіи какъ будто повѣяло «новымъ духомъ». Полякамъ были оказаны извѣстныя поблажки въ вопросахъ мѣстной администраціи и школьнаго дѣла. Ихъ соотечественникъ Стаблевскій, бывшій депутатъ и краснорѣчивый и горячій противникъ закона 1886 года, получилъ архіепископскую кафедру въ Познани. Со своей стороны поляки дважды выручали правительство, проводя въ 1890 и 1893 году его военные законопроектъ въ рейхстагѣ, причемъ во второй разъ ихъ 19 голосовъ сыграли рѣшающую роль. Къ этому же времени относится исторія съ ихъ парламентскимъ вождемъ Косцельскимъ, обласканнымъ вниманіемъ свыше и едва не получившимъ назначенія на видный административный постъ на польской окраинѣ. Въ этой атмосферѣ кажущагося примиренія колонизаціонная комиссія естественно не проявляла особо повышенной энергіи и работала дальше черезъ пень колоду по установившимся образцамъ. И безъ того некрупныя цифры ея отчетовъ стали падать дальше. Если въ 1892 году общее количество надѣленныхъ ею земель семействъ достигаетъ максимума—270, то въ слѣ-

дующемъ же году оно опускается до 241, а въ 1894 до 222. Здѣсь къ упадку «гакатистскаго» воодушевленія присоединяется дальнѣйшее вздорожаніе земли и истощеніе средствъ, а въ 1895 и 1896 годахъ отчеты комиссіи насчитываютъ уже всего на всего 186 и 191 поселенное семейство. Повидимому, если бы дѣло шло такимъ же образомъ дальше, дорогая «національная» затѣя умерла бы естественною смертію.

Но—и это нужно прямо и откровенно признать—активно-агрессивная анти-польская политика не была только выдумкой какого-нибудь одного государственнаго дѣятеля, хотя бы и Бисмарка. Ее сдѣлали возможной, ее взрастили и взлелѣяли опредѣленно шовинистическія и пангерманическія настроенія извѣстныхъ круговъ буржуазіи всѣхъ калибровъ, особенно со временъ національныхъ успѣховъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ живущихъ въ туманѣ нездороваго, извращеннаго націонализма. Эти общественные круги, имѣющіе свое парламентское представительство въ національ-либеральной и свободно-консервативной фракціяхъ, съ неудовольствіемъ смотрѣли на уступки полякамъ, на попытки примиренія. А такъ какъ между тѣмъ и примирительная система Каприви, какъ это всегда бываетъ съ неискренними, половинчатыми политическими начинаніями, постепенно утрачивала сочувствіе на обѣихъ сторонахъ и приближалась къ полному крушенію, неофіціальныя «гакатисты» естественно сочли моментъ удобнымъ для того, чтобы заставить правительство вернуться на старый путь. Въ 1894 году уже упомянутые Ганцманъ, Кенеманъ и Тидеманъ вызвали къ жизни свою германизаторскую организацію. Имъ опять удалось связать свое начинаніе съ именемъ Бисмарка, такъ какъ опальный канцлеръ непосредственно передъ тѣмъ выступалъ въ Варцинѣ съ «патріотическою» рѣчью. Ихъ союзъ сталъ главнымъ питомникомъ активнаго «гакатизма», а его ежегодныя общія собранія въ самомъ сердцѣ польскихъ провинцій, такъ называемые «Deutsche Tage», каждый разъ вырастали въ крикливыя демонстраціи воинствующаго націонализма. Всячески подстрекаемое, уличаемое въ «зигзагообразномъ курсѣ», въ малодушіи, чуть ли не въ измѣнѣ «національному» дѣлу, правительство легко и быстро пошло въ «блокъ» съ добровольцами анти-польской политики, и уже къ концу канцлерства Гогенлоэ короткій «примирительный» періодъ былъ ликвидированъ, и вновь началась старая борьба за измѣненіе соотношенія численности германскаго и польскаго элемента въ пользу перваго.

Въ началѣ она велась и старыми средствами, то-есть безъ откровеннаго насилія. Просто колонизаціонная дѣятельность приобрѣла больше интенсивности. Уже въ 1897 году ея цифры сразу и рѣшительно улучшаются, отчетъ комиссіи отмѣчаетъ 367 поселенныхъ семействъ. Въ слѣдующемъ ея кассу заново наполняютъ вторичнымъ ассигнованіемъ 100 миліоновъ марокъ, и цифры улучшаются дальше, показывая въ 1898 году—605, въ 1899—669, въ 1900—661. Такая напряженная работа опять истощаетъ средства комиссіи, и 1901 годъ даетъ вновь пониженіе до 481. Но разъ заведенная машина дѣйствуетъ уже правильно и непрерывно, и

законъ 1 іюля 1902 года выбрасываетъ въ западную Пруссію и Познань еще 150 милліоновъ, и кромѣ того 100 милліоновъ со спеціальнымъ назначеніемъ на увеличеніе въ этихъ же провинціяхъ государственныхъ земельныхъ имуществъ и округленіе лѣсныхъ участковъ. И опять колонизаціонная коммиссія съ механическою точностью отвѣчаетъ новымъ «національнымъ» успѣхомъ, показывая 1211 поселенныхъ семействъ. Но помимо этихъ внѣшнихъ, показныхъ удачъ все прочее обстояло попрежнему, то-есть коммиссія скупала больше нѣмецкихъ земель, чѣмъ польскихъ, поляки съ помощью хорошо организованныхъ кредитныхъ институтовъ извлекали изъ земельныхъ операцій государства всю мыслимую пользу и со своей стороны, конечно, тоже за хорошія деньги, скупали нѣмецкія помѣстья. Понятно, отношенія между національностями продолжали обостряться, официальные и неофициальные «гакатисты» шли дальше напроломъ, и все болѣе многочисленныя нѣмцы, и изъ давнихъ жителей провинцій и изъ искусственно въ нихъ завлеченныхъ, покидали поле національной борьбы и уходили въ поискахъ за родной «Gemütlichkeit» въ центръ и на западъ. Балансъ активно-агрессивной анти-польской политики показывалъ около полумилліарда израсходованныхъ народныхъ денегъ и фактическое увеличеніе численности польскаго элемента въ ущербъ нѣмецкому. Предатели плодились, «какъ кролики», по словамъ негодующаго Бюлова.

По часто повторяющейся въ политической исторіи ироніи судьбы, именно этому сладчайшему и безвольнѣйшему изъ имперскихъ канцлеровъ пришлось работавшую до сихъ поръ преимущественно презрѣннымъ металломъ анти-польскую систему сдобрить моментами голаго и беззастѣнливаго насилія. «Пришлось»,—потому что и въ области «гакатизма», какъ и во всякой иной, Бюловъ менѣе всего активенъ. Но такъ вышло, что при немъ старая, чисто «денежная» метода застряла на мертвой точкѣ и двигать ее дальше прежними мѣрами не представлялось возможности. Можно было бы, конечно, попробовать что-нибудь новое, но воображенію прусскаго юнкера поставлены вѣковѣчные и очень тѣсные предѣлы. Новое—это значитъ оппозиція коронѣ и черносотенной реакціи, это значитъ борьба съ предрассудками или принципами многолѣтнихъ друзей и единомышленниковъ, это во всякомъ случаѣ для юнкерскихъ мозговъ уравненіе со многими неизвѣстными. И потому, несмотря на извѣстныя гуманитарныя склонности и на нѣкоторую внѣшнюю мягкость, Бюловъ поплылъ дальше въ хвостѣ у болѣе прямолинейныхъ, грубыхъ, но и лучше знающихъ свои цѣли, пути и средства политиковъ кулака. Для нихъ положеніе было ясно. Экспериментъ не удался при помощи однихъ денегъ,—нужно прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ ухваткамъ. «Сила впереди права»—это ихъ любимый и не лишенный удобства лозунгъ.

«Національное» большинство прусскаго ландтага охотно внесло въ законъ 10 августа 1904 года о внутренней колонизаціи вообще слѣдующій § 13b: «Въ разрѣшеніи на поселеніе, въ предѣлахъ дѣйствія закона 26 апрѣля 1886 года о поощреніи нѣмецкихъ поселеній въ провинціяхъ

западная Пруссія и Познань, надлежитъ отказывать, пока не будетъ представлено удостовѣреніе регирунгспрезидента, что данный случай не противорѣчитъ цѣлямъ означеннаго закона». Попутно новое правило распространялось на нѣкоторыя другія провинціи, между прочимъ на Восточную Пруссію и Силезію. На отказъ регирунгспрезидента допускалась только жалоба оберъ-президенту, рѣшеніе котораго признавалось окончательнымъ. За попытку же поселенія безъ или до надлежащаго разрѣшенія назначался денежный штрафъ до 150 марокъ; кромѣ того мѣстная полицейская власть получала право препятствовать такому незаконному поселенію и распорядиться уничтоженіемъ начатыхъ работъ.

Со свойственнымъ всѣмъ, переживающимъ первое паденіе, чувствомъ неловкости и смущенія правительство Бюлова заботливо затушевывало передъ законодательными палатами и передъ общественнымъ мнѣніемъ конституціонное неприличіе новой мѣры. Ея явное противорѣчіе имперскому праву, гарантирующему всѣмъ гражданамъ имперіи свободу передвиженія и выбора мѣста осѣдности, нельзя было скрыть никакими діалектическими уловками. Но, по крайней мѣрѣ, отъ упрека въ нарушеніи конституціоннаго принципа равенства гражданъ, безъ различія національностей, правительство пыталось защититься тѣмъ, что нигдѣ не упоминало о полякахъ, какъ единственномъ объектѣ постановленій § 13b. Тогдашній министръ земледѣлія Подбѣльскій настойчиво утверждалъ въ палатѣ депутатовъ, что онъ направленъ противъ «нездоровыхъ», нежелательныхъ поселеній вообще. И въ своемъ пояснительномъ циркулярѣ къ новому закону четыре прусскихъ министра сообщали мѣстнымъ властямъ, что рѣшеніе должно приниматься ими «не по личнымъ, а по дѣловымъ соображеніямъ. Полякамъ отнюдь не слѣдуетъ всегда и принципиально отказывать въ правѣ поселенія; съ другой стороны, нѣмцы вовсе не имѣютъ безспорнаго права на требуемое § 13b разрѣшеніе». Но въ томъ же самомъ циркулярѣ нѣсколькими строками ниже четыре министра такъ разъясняли смыслъ этого параграфа: «Это правило имѣетъ въ виду защиту и покровительство германскому элементу въ указанныхъ, угрожаемыхъ съ національной точки зрѣнія мѣстностяхъ и должно служить орудіемъ борьбы со всѣми стремленіями и начинаніями, которыя хотя бы косвенно затрагиваютъ въ предѣлахъ колонизируемой территоріи германскій элементъ въ его численномъ составѣ, его развитіи или распространеніи». Нужно ли говорить, какое изъ этихъ двухъ достаточно противорѣчивыхъ указаній было воспринято къ руководству и исполненію въ темныхъ низахъ восточно-прусской администраціи?

Тамъ дѣло было тотчасъ поставлено прочно и категорически. Во-первыхъ, закону была придана обратная сила, и всѣ поляки, въ прежнемъ порядкѣ запасшіеся разрѣшеніемъ на стройку, оказались вынужденными испрашивать у регирунгспрезидента новое удостовѣреніе, котораго, конечно, никогда не получали. Верховный административный судъ призналъ этотъ образъ дѣйствій совершенно правильнымъ. Такъ какъ, далѣе, отъ

поляка, желающаго мѣнять осѣдлость, теперь требовалось согласіе двухъ отдѣльныхъ органовъ власти—участковаго комиссара, на стройку въ собственномъ смыслѣ слова, и регирунгспрезидента, съ точки зрѣнія закона 1886 года, то были приняты мѣры, чтобы эти инстанціи не впадали въ противорѣчіе. Поэтому участковый комиссаръ пересылалъ всякую просьбу о разрѣшеніи строиться ландрату, ландратъ регирунгспрезиденту, и въ результатѣ проситель получалъ, конечно, отказъ въ удостовѣреніи, предусмотрѣнномъ § 13b, о которомъ онъ и не думалъ просить, — и можно себѣ представить, на основаніи какихъ «дѣловыхъ» соображеній. Если же, по недоразумѣнію или попустительству со стороны комиссара, по невѣдѣнію или злему умыслу со стороны поляка-просителя, послѣдній добивался разрѣшенія строиться и фактически строился безъ вѣдома регирунгспрезидента, полиція никогда не находила слишкомъ позднымъ вмѣшаться. Преступникъ получалъ документъ приблизительно такого свойства: «Симъ приглашаетесь вы воздержаться отъ пользованія вашимъ домомъ и домъ очистить; въ дальнѣйшемъ могутъ быть приняты мѣры къ разрушенію противозаконно выстроеннаго вами дома». Административно-судебное присутствіе въ Познани пробовало было установить, что разъ полученное отъ одного органа власти разрѣшеніе покрываетъ грѣхъ невѣдающаго закона просителя. Верховный административный судъ и въ этомъ случаѣ сталъ на сторону самаго узкаго, формальнаго толкованія. «Противозаконно» выстроенные дома разрушались безпрепятственно. Степень же «дѣловитости» соображеній, по которымъ регирунгспрезиденты отказывали—такъ какъ они всегда отказывали—въ согласіи на поселеніе поляковъ, лучше всего характеризуется внѣшней формой ихъ отвѣтовъ. Просителю просто присылался бланкъ со слѣдующимъ гектографированнымъ или печатнымъ лаконическимъ текстомъ: «Я не нахожу возможнымъ выдать вамъ просимое вами на основаніи § 13b закона 10 августа 1904 года удостовѣреніе». А если наивный проситель обращался съ жалобой къ оберъ-президенту, то получалъ такой же механически воспроизведенный отвѣтъ: «Въ отвѣтъ на вашу жалобу на рѣшеніе регирунгспрезидента въ Познани, сообщаю вамъ, что я всецѣло присоединяюсь къ тѣмъ вѣскимъ доводамъ, на основаніи которыхъ (какихъ?—оставалось тайной регирунгсъ и оберъ-президента) онъ отказалъ вамъ въ вашей просьбѣ». Впрочемъ, это вѣчная фигура умолчанія находила себѣ одно простое объясненіе. «Вѣскіе доводы» заключались всегда въ одномъ и томъ же — въ польской національности просителя. У восточно-прусскихъ административныхъ сатраповъ есть своя конституція, въ которой параграфъ о гражданскомъ равноправіи нѣтъ. Имъ не приходилось поэтому задумываться надъ конституціонными приличіями, повергавшими въ смущеніе столичныхъ министровъ. И какой-нибудь ландратъ безъ всякихъ околичностей выдавалъ секретъ полишинеля, публично оповѣщая всѣхъ подвластныхъ ему поляковъ, что въ его округѣ никто изъ нихъ никогда разрѣшенія на поселеніе не получитъ.

Таковы были формальныя рамки, въ которыхъ начался и велся на во-

сточной окраинѣ жестокой національный бой. Поляки не сдавались, но и официальные «гакатисты» не давали спуска и справляли поистинѣ оргіи, вакханаліи закономѣрнаго насильничанья. Польскіе крестьяне цѣпко держались за свою землю. Имъ не давали строить жилыхъ домовъ. Они довольствовались амбарами и сараями; полиція выживала ихъ и оттуда. Они укрывались въ цыганскихъ кибиткахъ; ихъ настигали и въ этихъ «незаконныхъ» «жилищахъ». Они спускались подъ землю, рыли себѣ пещеры и землянки; веселые нѣмцы утверждали, что эти «жилища» анти-гигіеничны и не отвѣчаютъ требованіямъ строительной полиціи. Отъ времени до времени это побѣдоносное шествіе германской «культуры» на востокъ обагралось кровью. Еще недавно рассказывали о такой исторіи съ однимъ силезскимъ крестьяниномъ, польская національность котораго даже не установлена съ точностью, но котораго власти признавали за поляка. Онъ ютился, вопреки закону 10 августа 1904 года, въ землянкѣ и устроилъ себѣ въ ней печь. Полиція предписала ему землянку покинуть, а печь разрушить. И такъ какъ онъ этому предписанію не повиновался, то къ нему въ его отсутствіе явился полицейскій съ каменщикомъ и началъ печь ломать. Въ это время вернулся хозяинъ и въ порывѣ отчаянія схватилъ ружье, убилъ полицейскаго и застрѣлился самъ... Это, конечно, уже безуміе. Но есть не мало причинъ, по которымъ высококультурные и просвѣщенные нѣмцы переносятъ его превосходно. Во-первыхъ, оно систематично, во-вторыхъ, оно узаконено существующими властями. И, наконецъ, вѣдь это всетаки единственный доступный нѣмецкой государственной мудрости путь, этотъ путь безумія къ завѣтной цѣли — измѣненія соотношенія численности германскаго и польскаго элемента въ пользу перваго.

И всетаки ничто не помогало. Положеніе въ польскихъ провинціяхъ становилось совершенно невыносимымъ, такъ какъ параллельно съ земельнымъ «гакатиизмомъ» оттѣнокъ «гакатиистскаго» безумія принимала и обще-административная и главнымъ образомъ религіозно-школьная система. Но поляки только тѣснѣе смыкали ряды, бились ожесточеннѣе и отчаяннѣе. И если удавалось согнуть въ бараній рогъ ихъ дѣтей за школьную забастовку, выгнать десятокъ-другой крестьянъ съ ихъ родной земли, разрушить нѣсколько «незаконно» построенныхъ домовъ, то вырвать у нихъ изъ-подъ ногъ «землицу», этотъ предметъ помѣшательства «гакатиистовъ», всетаки не было силъ. Предложеніе польскихъ земель колонизаціонной комиссіи вовсе прекратилось, и она покупала почти исключительно у нѣмцевъ. Изъ 340 тысячъ гектаровъ, скупленныхъ ею за 20 лѣтъ дѣятельности, было только 100 тысячъ гектаровъ польской земли, остальное было взято изъ нѣмецкихъ рукъ. Отливъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ продолжался и увлекалъ за собой осѣдлое нѣмецкое крестьянство. Напротивъ, притокъ добровольныхъ переселенцевъ съ запада приостановился. Съ другой стороны, германскій элементъ — злые языки утверждаютъ, что это были даже наиболѣе «патріотическіе» его представители — продолжалъ исправно

продавать нѣмецкую землю полякамъ. Въ общемъ уменьшеніе нѣмецкаго землевладѣнія съ 1886 года выражалось въ 100 тысячахъ гектаровъ. Въ 1906 году оно сохраняло еще перевѣсъ надъ польскимъ въ 19 тысячъ гектаровъ, но уже въ 1907 году 13 тысячъ изъ нихъ перешли въ польскія руки. Приближался моментъ полного и окончательнаго краха земельного «гаканизма», когда оставалось бы только ликвидировать дѣла колонизаціонной комиссіи и, уступивъ спорную «землицу» честно отстаившему ее польскому населенію, утѣшиться тѣмъ, что затраченные полмилліарда послужили всетаки на пользу общему матеріальному благосостоянію восточныхъ провинцій, именно общему, то-есть безъ различія національностей...

III.

Такимъ образомъ «гаканизмъ» въ его самой, казалось, дѣйствительной, земельной формѣ опять застрялъ на мертвой точкѣ, и королевскому прусскому правительству вновь приходилось ломать голову надъ тѣмъ, что же дѣлать дальше. Въ 1907 году лѣтомъ стало извѣстно, что оно серьезно занято этимъ вопросомъ и даже собиралось въ минувшую весеннюю сесію внести въ парламентъ многозначительный законопроектъ, но въ послѣднюю минуту поколебалось. Рѣшительное слово не было еще сказано официально, а оно было уже у всѣхъ на устахъ, слово—экспроприація. Имъ оперировали во-всю профессиональные «гаканисты», и ихъ очередной *Deutscher Tag* въ Бромбергѣ вызывающе требовалъ отъ правительства этого шага. Тому, что всѣ заинтересованныя стороны такъ единодушно и быстро сошлись на одномъ общемъ лозунгѣ, нечего было удивляться. Лозунгъ висѣлъ въ воздухѣ, онъ естественно давался историческимъ ходомъ событій. Еще въ 1894 году профессоръ Дельбрюкъ писалъ: «Если дѣйствительно желательно уничтожить польское землевладѣніе въ польскихъ провинціяхъ, то надо, не смущаясь, подражать русской системѣ. Мнѣ, правда, еще не приходилось встрѣтить нѣмецкую газету, которая имѣла бы смѣлость высказать эту мысль, но я готовъ безъ всякаго стѣсненія сказать, что надо было бы сдѣлать, чтобы покончить съ половинчатыми мѣрами на разѣ избранномъ пути. Надо было бы издать законъ, по которому для каждой купли-продажи недвижимой собственности въ провинціяхъ Познань и Западная Пруссія требовалось бы разрѣшеніе правительства и разрѣшеніе на покупку должно было бы даваться только достовѣрнымъ, благонадежно настроеннымъ нѣмцамъ. Затѣмъ государство должно было бы не приобрѣтать покупкою свободно предлагаемыя ему польскія земли, а просто производить имъ оцѣнку и ихъ экспроприировать». За тринадцать лѣтъ, истекшихъ съ тѣхъ поръ, накопилось достаточно опыта для того, чтобы убѣдиться, что прежними «полумѣрами» дѣйствительно ничего для «національныхъ» интересовъ достигнуть нельзя. И, значить, передъ прусскимъ правительствомъ опять стояла дилемма—или отказъ отъ актив-

но-агрессивной анти-польской политики, и вмѣсто нея нѣчто новое, въ юнкерскихъ мозгахъ невмѣщающееся, или продолженіе и усиленіе старой системы и слѣдовательно—экспроприация. Правительство и заняло эту позицію, и въ ея ясности и опредѣленности былъ секретъ его силы и успѣха.

Съ 1886 года произошли, кромѣ того, перемѣны въ парламентскомъ положеніи, чрезвычайно для него благоприятныя. Вмѣсто тогдашняго буйнаго, оппозиціоннаго рейхстага теперь былъ рейхстагъ усмиранный, скрученный по рукамъ и ногамъ, рейхстагъ «консервативно-либеральнаго» большинства. Отъ него не приходилось ожидать сколько-нибудь серьезнаго противодѣйствія новымъ планамъ, какъ бы явно ни нарушали они имперское право. Въ ландтагъ тоже все измѣнилось къ лучшему. Единственнымъ принципиально враждебнымъ «гаканизму» факторомъ въ немъ оставался центръ, но центръ изолированный и лишенный союзниковъ. Налѣво были жалкіе остатки «рѣшительнаго» либерализма, количественно слишкомъ незначительные, чтобы о нихъ стоило думать, качественно опустившіеся далеко ниже самой безнадежной посредственности. Да и по существу отношеніе ихъ къ анти-польской политикѣ было совсѣмъ иное, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Современный «рѣшительный» либерализмъ въ своемъ общемъ неудержимомъ движеніи на сліяніе съ «національ-либерализмомъ» далеко ушелъ отъ непримиримой, «доктринерской» позиціи, которую занимали въ 1886 году его славные предшественники. Онъ давно уже запуганъ «велико-польскими» драконами, которыхъ малюетъ передъ нимъ активный «гаканизмъ», и жаждетъ «національныхъ» лавровъ. Онъ даже совсѣмъ согласенъ съ принципиальной активно-агрессивной политикой, и только, несмотря на безумное желаніе «капиталь пріобрѣсти», еще блюдетъ чуть-чуть свою либеральную «невинность». Иными словами, онъ готовъ побѣждать поляковъ прибавками къ жалованію нѣмецкихъ чиновниковъ на окраинѣ и «упорядоченіемъ» школьныхъ дѣлъ, чтить въ работѣ колонизаціонной комиссіи «культурный успѣхъ перваго сорта», согласенъ давать на нее всѣ нужныя деньги, но по слабости нервовъ сильныхъ средствъ не выносить. Во время продолжительнаго парламентскаго боя за законъ объ экспроприации, длившагося съ ноября 1907 года по конецъ февраля 1908, его депутаты ворковали что-то въ этомъ родѣ о «дѣловой» анти-польской политикѣ и естественно не причиняли правительству ни малѣйшаго безпокойства.

Безпокойство возникало у Бюлова совсѣмъ въ другой плоскости. Въ національ-либеральной и свободно-консервативной фракціяхъ палаты депутатовъ и въ соотвѣствующихъ имъ группахъ палаты господъ онъ могъ быть увѣренъ. Но относительно чисто-консервативныхъ и чисто-аграрныхъ круговъ обѣихъ палатъ возникали большія сомнѣнія по части ихъ готовности санкціонировать законъ, откровенно нарушающій принципъ неприкосновенности «священнаго права собственности». Эти сомнѣнія, конечно, были бы устранены упоминаніемъ въ текстѣ проекта, что экспроприация

подлежать только польскіе землевладѣльцы. Законъ сталъ бы отъ этого еще болѣе «націоналенъ» и въ виду такого именно своего характера для аграріевъ пріемлемъ и безопасенъ. Но тутъ у правительства, какъ и въ 1904 г., начинались колебанія съ точки зрѣнія конституціонныхъ приличій. Введеніе въ законъ желательнаго аграріямъ ограниченія права экспропріаціи по національному признаку сдѣлало бы его противорѣчіе конституціи настолько очевиднымъ, что можно было бы ожидать большого и непоправимаго скандала. Обсужденіе законопроекта въ палатѣ депутатовъ и ея комиссіи и свелось поэтому къ совмѣстнымъ исканіямъ правительствомъ и аграріями формулы, которая, сохраняя видимость согласія съ конституціей, въ то же время по возможности не давала бы въ будущемъ историческаго оправданія для «экспропріаціи экспропріаторовъ». Исканія эти были и трудны и долги, но въ конечномъ ихъ успѣхѣ никто не сомнѣвался.

Правительственный законопроектъ требовалъ отъ парламента согласія на то, чтобы право экспропріаціи давалось государству, то-есть практически колонизаціонной комиссіи, или, еще точнѣе, ея президенту, королевскимъ указомъ, которымъ и опредѣлялись бы время и территоріальныя границы его примѣненія. Послѣ общаго обмѣна мнѣніями въ пленарномъ засѣданіи палаты и утомительнаго перваго чтенія въ комиссіи, соглашеніе между правительствомъ и консерваторами все еще не было достигнуто, и 19 голосами противъ 9 комиссія отвергла параграфъ, имѣющій въ виду экспропріацію. Но въ самомъ началѣ втораго чтенія министръ земледѣлія выступилъ съ компромиссными предложеніями, которыя были выработаны въ закулисныхъ переговорахъ. Правительство, продолжая думать, что «проектъ его носилъ болѣе мягкій характеръ, такъ какъ въ предусмотрѣнныхъ имъ широкихъ рамкахъ принудительное отчужденіе могло бы примѣняться въ лучше отвѣчающихъ каждому данному случаю условіяхъ, чѣмъ при ограниченіи его узкими территоріальными предѣлами», заявляло готовность идти на уступки. Именно, оно соглашалось на то, чтобы въ самомъ законѣ были указаны два земельныхъ комплекса, по одному на каждую провинцію, въ границахъ которыхъ государству давалось бы право «экспропріировать участки, необходимые для округленія и развитія существующихъ поселенческихъ группъ». Одновременно, съ испрашиваемой суммы въ 350 милл. правительство скидывало 75 милл. и готово было удовольствоваться 275 м. Въ отвѣтъ на это ораторъ консерваторовъ заявилъ, что на этихъ условіяхъ его товарищи будутъ голосовать за законопроектъ, такъ какъ онъ «вводитъ теперь принципъ экспропріаціи только для опредѣленнаго, ограниченнаго пространства, въ которомъ угроза существованію германскаго элемента настолько велика, что защита его иными средствами невысказана, и столь ясно выдвигаетъ впередъ національныя задачи, что они должны будутъ отказаться отъ своихъ принципіальныхъ возраженій». Параграфъ 13—по забавному совпаденію заключенный ком-

промиссъ опять пришелся на эту «гакатистскую» цифру—былъ принятъ большинствомъ, и участь закона въ палатѣ депутатовъ была рѣшена.

Въ послѣднюю минуту, однако, ко второму чтенію въ палатѣ сторонамъ удалось найти новую формулу, показавшуюся и правительству, и партіямъ большинства болѣе удобной. Въмѣсто поименнаго перечисленія въ законѣ мѣстностей, къ которымъ долженъ былъ примѣняться § 13, согласились на опредѣленной мѣрѣ поверхности—70 тыс. гектар., которую правительство не должно было переходить. Выгоды этой новой формулировки были очевидны. Аграріи получали на всякій случай, сверхъ устнаго обѣщанія экспроприровать однихъ поляковъ, лишнюю гарантію противъ чрезмѣрнаго пользованія принудительнымъ отчужденіемъ. Правительство не скрывало, что ему развязываются руки и что, хотя предложенная цифра и совершенно недостаточна, оно обойдется одной угрозой экспроприаціей, чтобъ вымогать у поляковъ ихъ земли, не стѣсняясь уже за то узкими пространственными рамками. И такъ какъ единственно важные и существенные факторы были довольны и единодушны, законъ прокатился черезъ палату и во второмъ чтеніи, и въ третьемъ быстро и гладко. Бюловъ попутно и съ легкостью, единственно ему свойственной, принялъ на себя лично отвѣтственность за новую мѣру передъ страной и передъ парламентомъ, а когда ему кто-то съ мѣста напомнилъ объ отвѣтственности передъ исторіей, прихватилъ заодно и ее. Консервативно-національно-либеральное большинство лишній разъ засвидѣтельствовало свою готовность за «національныя» блага «постоять» и если не умереть, то пожертвовать правомъ и другими «принципіальными» вещами. Либералы, конечно, говорили о «дѣловой» политикѣ и уступили центру честь предъявить требованіе «учредительнаго» порядка разсмотрѣнія закона, въ виду измѣненія имъ конституціонныхъ началъ. Особнякомъ отъ этихъ разговоровъ людей, въ концѣ-концовъ разсуждавшихъ объ интересахъ и вопросахъ, по существу имъ чуждыхъ и ихъ не затрогивающихъ, стояло заявленіе польской фракціи, прочитанное ея предсѣдателемъ и старѣйшимъ членомъ палаты Шуманомъ. Языкъ этого заявленія слишкомъ выразителенъ и слова его слишкомъ выстраданы, чтобъ его можно было пересказывать. Его нужно привести цѣликомъ. «Мы отказываемся отъ участія въ дебатахъ по поводу настоящаго закона—закона, который противорѣчитъ праву и конституціи Пруссіи и Германской имперіи, который ведетъ къ безошадному насилию надъ польскимъ населеніемъ, который оскорбляетъ его въ его благороднѣйшемъ и возвышеннѣйшемъ чувствѣ привязанности къ родной землѣ, который потрясаетъ и разрушаетъ основныя права гражданскаго общества и основанія всякаго общественнаго и государственнаго строя. Мы заявляемъ здѣсь и передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ торжественный протестъ противъ этого акта насилія. Горькая и безжалостная несправедливость, которую правительство и большинство палаты собираются причинить беззащитному меньшинству въ этомъ государствѣ,

сама за себя отомстить ея творцамъ и пособникамъ. Мы же съ непоколебленною твердостью примемъ возвѣщенный намъ бой за нашу отцовскую землю, въ которой покоятся кости нашихъ предковъ и съ которой связаны воспоминанія нашего историческаго прошлаго. Сознаніе, что мы боремся за доброе, благородное и честное дѣло и вѣра въ мощь властвующаго надъ сильными міра сего божественнаго Провидѣнія дасть намъ силу и крѣпость побѣдоносно пройти чрезъ это новое горе. Мы хотимъ остаться и останемся вѣрными своему народу».

Послѣднимъ препятствіемъ, которое встрѣтилось на пути законопроекта и доставило Бюлову нѣсколько непріятныхъ дней, была палата господъ. Уже первое чтеніе показало, что, несмотря на строго «національныя» свойства этого «высокаго» учрежденія, въ немъ придется бороться съ значительно болѣе серьезными силами, чѣмъ въ нижней палатѣ. А конфликтъ комиссіи съ правительствомъ изъ-за предложеннаго ею изъятія отъ экспроприаціи всѣхъ земель, накопившихся въ рукахъ даннаго собственника въ теченіе 10 лѣтъ или перешедшихъ по наслѣдству или отъ супруга къ супругу, свидѣтельствовалъ о почти оппозиціонномъ «настроеніи». Но увы, только «настроеніи», и притомъ внутренне порочномъ. Въ самомъ дѣлѣ. Позиція правительства была ясна и, послѣ испытанія ея въ дебатахъ нижней палаты, даже еще болѣе выиграла въ опредѣленности и логичности. Нужно продолжать политику земельного «гакатизма»; значитъ, надо перестать скупать нѣмецкія земли и брать исключительно польскія, но поляки не хотятъ давать ихъ волею; значитъ надо брать ихъ силою. Можно было находить эти заключенія нецѣлесообразными и нравственно предосудительными, но нужно было тогда имѣть смѣлость признать нецѣлесообразность и предосудительность ихъ исходнаго пункта, то-есть осудить антипольскую политику въ самыхъ ея основаніяхъ, отвергнуть всю систему «гакатизма» и все анти-польское законодательство, начиная съ 1886 г. На это нехватало смѣлости ни у одного изъ оппозиціонныхъ «господъ», если не считать, конечно, поляковъ и католиковъ, примыкающихъ къ центру. Самый рѣшительный и краснорѣчивый противникъ экспроприаціи изъ группы феодаловъ, графъ Мирбахъ, который нашелъ прекрасныя и сильныя слова для того, чтобы протестовать противъ законопроекта, роняющаго его родину въ глазахъ культурнаго міра, все же останавливался на полдорогѣ. Онъ не хотѣлъ экспроприаціи, но хотѣлъ «національныхъ» успѣховъ и продолженія колонизаціонной дѣятельности. Бездарнѣйшему изъ прусскихъ министровъ было легко побить его возраженіемъ, что серьезный политикъ, желающій опредѣленную цѣль, долженъ быть готовъ желать и предлагаемыя ему средства, или, если они ему не нравятся, указать другія. А другихъ средствъ ни у графа Мирбаха и ни у его единомышленниковъ, понятно, не было.

И потому правительство въ концѣ-концовъ и здѣсь восторжествовало. За нимъ пошли люди, спеціально практикующіе «національную» политику,

как удобный и рѣдко убыточный побочный промыселъ, люди съ застарѣлою привычкою ставятъ «силу впереди права» и съ готовностью принять отвѣтственность за любой «національный» подвигъ не то, что «передъ страной», которой до нихъ мало дѣла, или «передъ исторіей», которая немногими изъ нихъ будетъ заниматься, но и передъ Богомъ и чортомъ. Ихъ, конечно, не могли утратить ни старые уроки, ни новыя вѣроятныя неудачи. Для прошлаго у нихъ есть спасительный девизъ: «*credo quia absurdum est*»; для будущаго: «*après nous le déluge*»; словомъ, это были, съ точки зрѣнія политической квалификаціи, національ-либералы, по социальному составу весьма разношерстная компанія—профессора университетовъ съ Шмоллеромъ во главѣ, часть оберъ бургомистровъ подъ предводительствомъ Адикеса, тайные коммерціи совѣтники, придворные проповѣдники, отставные министры. Если когда-нибудь историкъ захочетъ въ подробностяхъ ознакомиться съ общественными кругами, которые сдѣлали возможной бессмысленную и безсовѣстную политику прусскаго «гакатизма», которые взрастили и взлелѣяли ее, ему нужно будетъ просмотрѣть—для низовъ списокъ членовъ «*Ostmarkenverein'a*», для верховъ—списокъ большинства при поименномъ голосованіи въ палатѣ господъ 27 февраля 1908 г.

IV.

Какъ бы то ни было, но сейчасъ законъ объ экспроприаціи польскихъ земель сталъ реальнымъ фактомъ политической жизни Пруссіи-Германіи. На первый взглядъ кажется, что борьба съ нимъ невысказана и что слѣдовательно споръ изъ-за почвы провинцій Познань и Западная Пруссія рѣшенъ навсегда. «Гакатисты» добудутъ нужную имъ «землицу». А между тѣмъ по хладнокровной оцѣнкѣ положенія вещей выходитъ, что это не совсѣмъ такъ, что экспроприація не есть еще то безошибочное, навѣрняка бьющее средство измѣненія соотношенія численности германскаго и польскаго элемента въ пользу перваго, въ двадцатилѣтнихъ поискахъ за которымъ растрачено столько денегъ и невещественныхъ благъ, какъ-то чести, совѣсти и здраваго смысла.

Прежде всего, пока что, правительство имѣетъ право отчудить только 70 тысячъ гектаровъ, чего по собственному его исчисленію колонизаціонной комиссіи хватитъ на два года. Правда, оно не скрывало своего намѣренія по возможности не экспроприировать вовсе и держаться политики вымогательства, въ расчетѣ, что подъ угрозой принудительнаго отчужденія поляки, уже изъ матеріальныхъ расчетовъ, будутъ добровольно продавать землю. Но это можетъ случиться такъ, можетъ случиться и иначе, и отъ поляковъ потребуется не очень большое напряженіе энергій, чтобы заставить правительство экспроприировать каждый гектаръ, и все-таки вскорѣ дойти до предѣльной цифры. Правда, и это, повидимому,

было предусмотрѣно, и министръ земледѣлія откровенно говорилъ въ палатѣ депутатовъ, что, использовавъ данныя ему полномочія, правительство не замедлитъ испросить себѣ новыя. Можно также съ большою долею вѣроятности предположить, что связанное съ нимъ «цѣпью любви и преступленія» «національное» большинство парламента будетъ готово ему въ нихъ не отказать. Но тутъ неизбежно возникнетъ вопросъ о денежныхъ средствахъ, которыя и у прусскаго государства неисчерпаемы, и передъ вотированіемъ все новыхъ и новыхъ сотенъ милліоновъ, особенно въ виду продолжающагося ухудшенія финансовъ имперіи и Пруссіи задумаются даже «гакатистскіе» элементы. А у поляковъ отнюдь нѣтъ недостатка въ возможностяхъ затруднять правительству именно финансовую сторону вопроса. Главный польскій агентъ по скупкѣ земель и самый крупный конкурентъ колонизаціонной комиссіи, пресловутый Мартинъ Бидерманъ уже высказалъ по этому поводу свое компетентное мнѣніе. Онъ считаетъ первою задачею поляковъ въ ихъ борьбѣ съ экспропріаціей поддержаніе всѣми силами теперешнихъ высокихъ цѣнъ на землю, и думаетъ, что хорошо организованное сельско-хозяйственное товарищество, которое главнымъ образомъ вмѣшивалось бы во всякую продажу съ аукціона и во всякій конкурсъ, не только справится съ этимъ дѣломъ, но будетъ въ состояніи загнать цѣны еще выше. Такимъ образомъ естественно удерживался бы на нужной и разорительной для комиссіи высотѣ и уровень «справедливой оцѣнки». Что эти соображенія Мартина Бидермана не фантастичны, ясно изъ того, что паденіе земельныхъ цѣнъ противорѣчило бы не только польскимъ, но и нѣмецкимъ интересамъ, интересамъ аграріевъ, которые отчасти изъ этихъ видовъ пугались экспропріаціи. Здѣсь можно, слѣдовательно, рассчитывать на сотрудничество враждующихъ національностей. Нѣсколько болѣе смѣлыми, пожалуй, но во всякомъ случаѣ не беспочвенными покажутся другіе проекты опытнаго дѣльца. Ему рисуется переходъ поляковъ въ наступленіе, то-есть спѣшная и энергичная закупка ими нѣмецкой земли, благодаря чему комиссія должна была бы, наоборотъ, держаться оборонительной тактики вмѣсто наступательной и тратить попрежнему деньги, предназначенныя на покупку польскихъ земель, на обратный выкупъ нѣмецкихъ.

Возможно, что эти планы, изложенныя въ подробностяхъ Мартиномъ Бидерманомъ одному варшавскому журналисту, не легко исполнимы. Но отрицать ихъ осуществимость вообще было бы легкомысленно, и уже изъ этого явствуетъ, что искренняя или фальшивая тирада Шмоллера о мирѣ, который принесетъ съ собой прекращающая всякіе споры экспропріація, была, вѣроятно, болѣе продуктомъ «гакатистскаго» паэоса, чѣмъ безстрастнаго убѣжденія ученаго экономиста. Конца, мира, хотя бы того «мира кладбища», о которомъ говорилъ въ 1886 году депутатамъ большинства, тогда еще патеръ, Флоріанъ Стаблевскій, экспропріація съ собой не несетъ. Она несетъ ожесточеніе и безъ того уже безумной на-

ціональной борьбы, ожесточеніе тѣмъ болѣе ужасное, что она несомнѣнно освобождаетъ борющихся отъ послѣднихъ моральныхъ и правовыхъ сдержекъ. Сравнительно близкій и понятный «гакатистамъ» человѣкъ, фельд-маршалъ графъ Гезелеръ, назвалъ ее въ палатѣ господъ «войною съ безоружнымъ». Когда дѣло идетъ о военной экзекуціи надъ обезоруженнымъ врагомъ, по-русски—о «битьѣ лежачаго», можно ли требовать и ожидать отъ защищающагося особенно щепетильнаго выбора средствъ?

Среди этихъ оборонительныхъ средствъ сейчасъ опять заставляетъ много говорить о себѣ бойкотъ. Газеты пестрятъ извѣстіями изъ австрійской и русской Польши о все учащающихся случаяхъ прекращенія дѣловыхъ сношеній польскихъ потребителей съ ихъ нѣмецкими поставщиками. Это движеніе, повидимому, перекрещивается съ другимъ, въ пользу одновременнаго поднятія и развитія соотвѣтствующихъ отраслей отечественной промышленности, и какъ будто въ самомъ дѣлѣ принимаетъ обширные размѣры. Если судить по обиженному, меланхолическому тону, въ какомъ говорятъ о немъ два органа печати, болѣе всего чуткихъ къ интересамъ германской промышленности и торговли—*Berliner Tageblatt* и *Frankfurter Zeitung*—есть основанія думать, что бойкотъ уже сталъ больше, чѣмъ сантиментальной демонстраціей національныхъ чувствъ. Эти же газеты не перестаютъ указывать на внутреннюю несправедливость бойкота, на то, что онъ тоже бьетъ, не разбирая куда и кого, и часто бьетъ людей, политикѣ вообще, а «гакати́зму» въ особенности, чуждыхъ. Это, конечно, можетъ быть такъ. Но, не говоря уже о психологической объяснимости пользованія поляками крайними и не всегда идеальными приѣмами борьбы, развѣ мыслимо такъ-таки всю нѣмецкую торговлю и промышленность освободить отъ отвѣтственности за прусскую политику? Вѣдь она выросла уже изъ пеленокъ, твердо стоитъ на ногахъ, и какъ будто тогда, когда рѣчь идетъ о шкурныхъ для нея вопросахъ, умѣетъ показывать свою силу и свое вліяніе на власть. Гдѣ же была она, когда рѣшалась судьба анти-польскаго законопроекта, гдѣ были ея организациі, почему онѣ молчали, почему не протестовали противъ новаго объявленія войны, которая, онѣ же знали это, неизбежно должна быть не только политической и національной, но и экономической? Болѣе убѣдительны другія возраженія, дѣлаемые съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ самихъ поляковъ. И особенно сильными кажутся они по тому пункту, въ которомъ бойкотъ затрагивалъ бы наиболѣе чувствительную къ нему отрасль нѣмецкаго хозяйства. Нѣмецкіе землевладѣльцы на востокѣ не могутъ обойтись безъ работниковъ изъ русской Польши и изъ Галиціи, и, если бы имѣли успѣхъ бойкотныя организациі среди нихъ и среди коммиссіонеровъ, набирающихъ ихъ для нѣмцевъ, аграріи въ восточныхъ провинціяхъ почувствовали бы это весьма реально въ ближайшій же сезонъ. Но вотъ какъ разъ здѣсь возникаетъ коллизія съ собственными интересами, такъ какъ польскіе сельско-хозяйственные работники приносятъ съ собой изъ

Пруссіи къ каждой зимѣ солидныя суммы денегъ. По слухамъ, въ Галиціи принимаются уже мѣры къ тому, чтобы Пруссію замѣнить Франціей, и транспорты работниковъ уже направляются туда, но это, конечно, усложняетъ расчеты и дѣлаетъ ихъ болѣе проблематичными. Словомъ, и всѣ бойкотные планы, какъ и планы земельной обороны, не абсолютны и допускаютъ сомнѣнія и колебанія. Однако, и они опять-таки доказываютъ, что и обезоруженный, и «лежачій» врагъ, если его довести до бѣлаго казенія, можетъ находить еще неожиданныя и сильныя средства борьбы.

Мира, значитъ, не будетъ, и вѣроятно уже черезъ два-три года «гакати́сты» убѣдятся, что и принудительное отчужденіе по справедливой оцѣнкѣ не есть еще искомый камень жизни. Будутъ ли они продолжать сказку про бѣлаго бычка и отъ времени до времени давать правительству по 70 тысячъ гектаровъ польской земли и по 275 милліоновъ марокъ, тоже въ извѣстной своей части польскихъ? Или попробуютъ дальнѣйшее усиленіе разъ принятой системы? Что же это будетъ—конфискаціи, проскрипціи, изгнаніе, принудительная колонизація польскими гражданами африканскихъ колоній, или, быть можетъ, небезызвѣстный пріемъ Ирода Іудейскаго? Лидеръ консерваторовъ, серьезный человекъ со звучной фамиліей von Heydebrand und der Lasa такъ мрачно сказалъ въ этомъ году въ палатѣ депутатовъ, что «для охраны германскаго элемента его друзья готовы идти до крайностей», что поневолѣ задумаешься, не имѣлъ ли онъ въ виду и виолеемскій прецедентъ. Если такъ, то придется только поискать канцлера, который и за такую операцію принялъ бы на себя отвѣтственность передъ исторіей, и ученаго профессора политической экономіи, который бы открылъ въ ней что-либо высоко-«соціальное»—и тогда Glück auf! Но шутки въ сторону, помимо пріемовъ Ирода Іудейскаго, дѣйствительно въ концѣ-концовъ невысказанныхъ, «гакатизмъ» вѣдь и такъ исчерпалъ почти всѣ возможности. Тотъ же самый ораторъ консервативной фракціи характеризовалъ новѣйшую «гакатистскую» мѣру, какъ «двигающуюся на самой границѣ права». Это несомнѣнный эвфемизмъ, граница права давно уже перейдена «гакатизмомъ», и онъ неудержимо влечется внутренними своими силами къ границѣ возможности. Возможности въ политикѣ по нынѣшнимъ временамъ ограничены, и среди ограничивающихъ ихъ факторовъ есть одинъ, особенно внушительный—факторъ международный. Недаромъ за все время обсужденія закона объ экспроприаціи «гакати́сты» такъ отрекивались и отмахивались отъ всякаго напоминанія о томъ, что кромѣ Германіи есть на свѣтѣ кое-какія иныя страны, въ которыхъ, случается, тоже живутъ нѣмцы, что, кромѣ «національнаго» общественнаго мнѣнія, есть и международное. Одинъ разъ только на Бюлова нашло просвѣтлѣніе, сказала дипломатическая косточка, и онъ указывалъ членамъ палаты господъ въ сторону Россіи и дѣлалъ тонкіе намеки на то, какъ необходимо обезпечить себѣ прочное вліяніе на окраинѣ при такомъ сосѣдствѣ. Конечно, вліяніе могло быть обезпечено только экспро-

пріаціей, и, конечно, какъ дипломатъ старой школы, Бюловъ пугалъ высокихъ «господъ» случайностями войны. Но будто въ одной войнѣ секретъ современныхъ международныхъ вліяній, и не естественно ли какъ разъ для настоящаго случая подумать, напротивъ, о вліяніяхъ мирныхъ? Всякій, кто наблюдалъ европейскую жизнь за послѣдніе годы, знаетъ, какъ чутко она реагировала на приливы и отливы русской реакціи и русскаго освободительнаго движенія. Ему будетъ понятно, что не случайно «гаканизмъ» сдѣлалъ такой рѣшительный шагъ въ неизвѣстное какъ разъ въ моментъ, когда въ Россіи такихъ успѣховъ достигла реакція вообще, противоположная въ частности. И наоборотъ, повѣрьте, достаточно, чтобъ на мѣсто Россіи «успокоенной» пришла Россія освобожденная, обновленная и примиренная прежде всего съ польскими братьями, чтобъ «гаканизмъ» навѣки исчезъ съ лица земли. Рядомъ со свободной и довольной Польшей охота на человѣческую дичь въ провинціяхъ Познань и Западная Пруссія будетъ слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ.

К. Дверницкій.

